здесь бытовых чувств и мыслей. Нет сюжета, который можно было бы назвать знакомым. Здесь нет и мифа, при опоре на который легко слышится бессловесный театр.

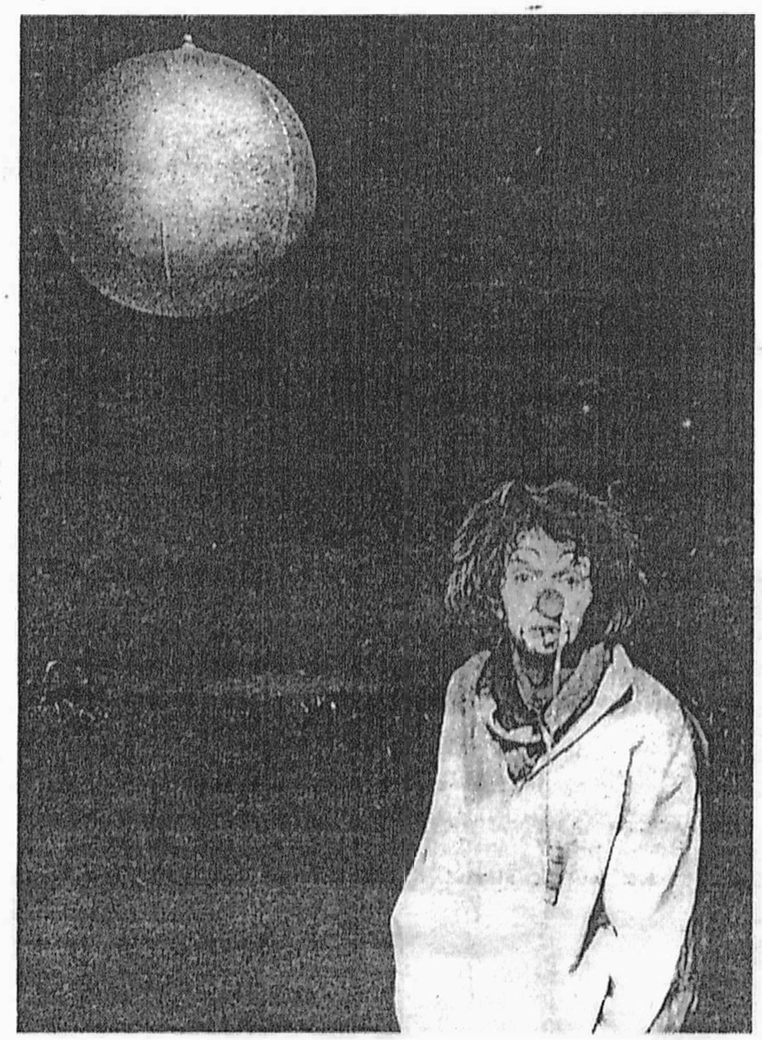
Мир «Дерева» — мир наивных бестелесных существ, обнаженная душа, не одевшая тело и испытывающая холод мира.

Спектакли «Дерева» отрывают мысль от земли и погружают зрителей в пространство метафизики. Может быть, эти чувства лучше всего ощущаются в Иерусалиме, городе, где тысячи лет живут камни, помнящие прикосновение Божьих ступней. Здесь, в Иерусалиме, легко посвятить себя изучению души, к чему ведут желающих следовать этому спектакли-неспектакли театра-нетеатра «Дерево».

«ЛИЦЕДЕИ» КАК ЛИЦЕДЕИ

Наших «Лицедеев» встречала подготовленная публика. Во-первых, фестивалю предшествуют радио- и телереклама с отрывками из спектаклей, а также буклеты, проспекты, транспаранты, завоевавшие Израиль на время праздника. А во-вторых, в зале были те, кто давно или недавно составлял театральную публику Союза.

«Лицедеи» показали старую программу, сохраняя полюбившиеся зрителям маски. В конце спектакля в зал пали маленькие и большие шары, и зрители постепенно перемещались из зала на сцену, где сидел грустный Полунин—Асисяй, забытый публикой мастер. Время спектакля кончилось. Шары завладели вниманием, и он исчез, чтобы на следующий день выйти вновь в маске Асисяя.



ГЕНИЙ В ШОКОЛАДЕ

Сломался хамсин, и в Иерусалиме по вечерам стало холодно. «Театр де л'Уните» играл на площадке, возвышающейся над городом. Здесь разбили шатер. Внутри него — венский салон XVIII века. В стенах шатра — дырочки для глаз, сквозь которые можно разглядеть события, происходящие внутри.

Актер, играющий Шникадера, разделил публику на богатых и бедных, соответственно ценам на билеты. Кто не пожалел заплатить за вход 66 шекелей — был зачислен в разряд богатых, получил парик и имя одного из героев эпохи Моцарта.

Богатые вошли внутрь шатра. Двери закрылись, а бедные, дрожа от холода, примкнули к щелочкам. Спектакль «Моцарт в шоколаде» начался.

Музыка Моцарта и его жизнь разыгрывались актерами и публикой. Каждый сидящий в салоне имел отношение к Моцарту, Вене, XVIII веку — отец Моцарта, его мать, Вольтер. Актеры рассказали о характере композитора и его взаимоотношениях с окружающими, и публика должна была действовать в соответствии с обретенной информацией. Капризы, флирты, споры прерывались музыкой, где звуки рояля дополнялись оперными голосами.

Моцарта играл виртуозный пианист — Френсис Видил, покоривший публику, среди которой скрывалось несколько «маньяков» композитора, как они были названы одной из актрис.

Френсис играл, когда на клавиши набросили полотно (правда, от Моцарта он перешел к Шопену, что тут же было замечено сидящими рядом «маньяками»). Он играл с завязанными глазами и даже с завязанными руками ухитрился исполнить... носом несколько мелодий.

Горячий шоколад для гостей салона и шоколадки для глазеющей в дырочки «бедноты» расположили публику к актерам, придумавшим, но не сумевшим сыграть замечательный спектакль.

«ПИКНИК МОЦАРТА»

Эйн Карем — место в Иерусалиме, где бесконечность прячется за зелено-белыми холмами. Зелеными—от посаженных здесь лесов, белыми—от домов из белого иерусалимского камня. Здесь небо слагается из всех оттенков голубого цвета. Эйн Карем — место, где понимаешь, что у Бога, создавшего эту красоту, грех просить большего.

В дни фестиваля здесь проходил трехдневный «Пикник Моцарта» — серия концертов. Вечер с пятницы на святую субботу, сама суббота и шевиот — праздник, справляемый в то воскресенье, были отданы Моцарту.

На три дня Эйн Карем стал местом паломничества как для любителей музыки, так и для любителей развлечений. Чтобы узкие улочки Эйн Карема не затопились потоком машин, их предлагалось оставить далеко наверху и спускаться вниз на комфортабельном автобусе, который циркулировал регулярно.

Все кафе и рестораны в этом районе готовили только венское меню, и публика, обедавшая в перерывах между представлениями, мучалась вопросом: «Существовала ли тогда диетическая «Кока-кола»?

Все залы были переполнены, а девушки в старинных костюмах разносили на подносах конфеты «Моцарт в шоколаде».

«Пикник Моцарта» расположился в нескольких местах одновременно. Оркестры играли в живых церквах, густо сосредоточенных в этих местах, где, по преданию, похоронены Мария Магдалина и Иоанн Креститель. Здесь в непосредственной близости к Богу церковь более либеральна, чем в религиозной «диаспоре», и несколько лет назад стала разрешать играть в действующих храмах.

Все это — только маленькая часть фестивальной программы. Благодаря стараниям Омри Нисана, война, которая закончилась за два месяца до первого дня иерусалимского праздника, не нарушила планов фестиваля, хотя из предполагаемых гостей не смогли приехать Питер Брук с «Бурей», Роберт Уилсон и Малый драматический театр из Ленинграда. За три недели было показано 70 разных программ, сыгранных 30 коллективами. 1.300 музыкантов, актеров и танцовщиков приняли участие в празднике.

Второго такого фестиваля не будет, и дело не только в том, что у него был новый руководитель — Омри Нисан. Главное, что этот фестиваль был первым, послевоенным.

Впервые за все годы существования страны война вошла в дома, нарушила жизнь, люди перестали ходить на работу, закрылись театры и концертные залы. Для израильтян, жизнь которых протекает на улице, оказаться запрятанными в квартиры было особенно тяжело. Сейчас, два месяца спустя, наступило расслабление, и жадно захотелось найти в искусстве отвлечение от тяжелых мыслей, продуманных в месяцы войны.

Галина АКСЕНОВА.

● *А. Адасинский.*

● *Сцена из спектакля «Моцарт в шоколаде».*

● *В. Полунин.*